

Говард Филлипс Лавкрафт

Древний народ

(The Very Old Folk)

в письме к Мельмоту (Дональд Вандрей) 3 ноября 1927 г.

Ранним вечером пылающий закат озарял крошечный провинциальный городок Помпело, расположенный у подножья Пиренеев в Испанской области. Это было в период поздней республики, поскольку провинция все еще управлялась сенатским проконсулом, а не преторианским легатом Августа; а день был первым накануне Ноябрьских календ. Холмы к северу от маленького города были залиты алыми и золотыми красками. Клонящееся к западу солнце играло таинственными багровыми лучами на шершавых, покрытых штукатуркой, каменных зданиях пыльного форума и деревянных стенах цирка, расположенного на некотором удалении к востоку. Группы горожан - густобровых Римских колонистов и жестковолосых романизированных местных жителей, вместе с явными представителями смешения обоих племен, также одетыми в дешевые шерстяные тоги, небольшое число легионеров в шлемах и одетые в грубые накидки чернобородые жители окрестных Баскских гор - все толпились на нескольких мощеных улицах и в форуме, передвигаясь с какой-то странной, робкой неуклюжестью.

Я - провинциальный квестор по имени Л. Целий Руфус - сам только что сошел с носилок, которые иллирийские рабы в спешке принесли из Калагуррия, расположенного к югу от Ибера. Меня вызвал проконсул П. Скрибоний Ливон, прибывший из Таррако несколькими днями раньше. Солдаты были из пятой когорты XII легиона под командованием военного трибуна Секста Аселлия. Также из Калагуррия, где располагался постоянный Римский лагерь, приехал легат всей провинции - Кн. Бальбутий.

Причиной собрания стал ужас, витавший среди холмов. Все население города было перепугано и умоляло прислать когорту из Калагуррия. Это было Ужасное Время осени, и дикое племя в горах готовилось к жутким церемониям, о которых в городах ходили лишь слухи. Это племя было очень древним народом, проживавшим высоко в горах и говорившим на неразборчивом языке, которого совершенно не понимали жители Баскских гор. Их редко видели; но несколько раз в году они отправляли вниз маленьких смуглых посланцев с раскосыми глазами, выглядевших, как скифы. Посланцы вели торговлю посредством жестов.

Каждые весну и осень древний народ выполнял зловещие ритуалы среди пиков, а их завывания и горящие алтари вселяли ужас в жителей окрестных деревень. Это происходило всегда в одно и то же время - в ночи перед Майскими и Ноябрьскими календами. Прямо накануне этих ночей пропадали городские жители, и никто никогда не слышал о них вновь. Люди шептались о том, что пастухи и крестьяне также ненавидят древний народ - ибо не одна соломенная хижина оказывалась пустой накануне двух таинственных ночных шабашей.

В этот год страх был особенно сильным, ибо люди знали, что над Помпело нависла ярость древнего народа. Тремя месяцами ранее пятеро маленьких торговцев с раскосыми глазами спустилось с холмов, и в драке на городском рынке трое из них было убито. Оставшиеся двое, не

проронив ни слова, ушли обратно в горы - и этой осенью не исчез ни один крестьянин. В этом обстоятельстве таилась какая-то угроза. Не в обычаях древнего народа было щадить свои жертвы перед шабашем. Его добронравию едва ли можно было довериться, и крестьяне устрашились. В течение многих ночей с холмов слышался гул барабанов, и, наконец, эдил Тиб. Аней Стильпон (полукровка по происхождению) послал гонца в Калагуррий к Бальбитию с просьбой отправить в Помпело когорту, чтобы она предотвратила шабаш предстоящей ужасной ночью. Бальбитий небрежно отказал, мотивировав это тем, что страхи крестьян беспочвенны, а мрачные обряды обитателей холмов не касаются Римских граждан вопреки тревогам жителей города. Однако, я, будучи близким другом Бальбития, не согласился с ним; я утверждал, что тщательно изучил темные запретные сведения, касающиеся древнего народа, и уверен в том, что он способен причинить городу вред такого рода, что его даже лучше не называть. В конце концов, Помпело был Римским городом, в котором проживало множество наших сограждан. Мать подавшего жалобу главы города, Гельвия, была чистокровной римлянкой, дочерью М. Гельвия Цинны, который пришел в эту землю с армией Сципиона.

Таким образом, я решил отправить раба - проворного маленького грека по имени Антипатер - к проконсулу с письмами. Скрибоний принял во внимание мои доводы и приказал Балибитию послать пятую когорту под командованием Аселлия в Помпело. Согласно повелению проконсула, когорты должна была достигнуть холмов в сумерках в канун Ноябрьских календ и прекратить все неименуемые оргии, что будут обнаружены, а также доставить столько пленников, сколько возможно, в Таррако, ко двору пропретора. Бальбитий, однако, выразил протест, так что последовал новый этап переписки. Я написал проконсулу так много писем, что он весьма заинтересовался и решил лично разобраться в зловещих событиях.

Он прибыл в Помпело со своими ликторами и слугами; до него дошло предостаточно слухов, которые глубоко впечатлили и встревожили его. Проконсул подтвердил свое распоряжение об искоренении кощунственных церемоний шабаша. Желая посоветоваться с кем-нибудь, кто изучил данный предмет, он приказал мне сопровождать когорту Аселлия. В тоже время появился и Бальбитий, имевший целью переубедить проконсула, поскольку он считал, что решительная военная акция возбудит опасное чувство беспокойства как среди баскских племен, так и среди колонистов.

Итак, все мы собрались в это таинственное время осеннего заката возле холмов - старый Скрибоний Ливон в своей обшитой пурпуром тоге, на яркой лысой голове и сморщенном ястребином лице которого переливались золотые лучи; Бальбитий в сверкающем шлеме и доспехах, бледные губы которого были упрямо сжаты в знак несогласия; высокомерно усмехающийся молодой Аселлий в отполированных латах; и заинтригованная толпа городских жителей, легионеров, местных обитателей, крестьян, ликторов, рабов и слуг. Я был одет в обычную тогу и не имел никаких особенных знаков отличия.

И повсюду царствовал ужас. Горожане и сельские жители едва осмеливались поднимать голос, а свита Ливона, пребывавшая здесь уже почти неделю, казалась захваченной каким-то загадочным смятением. Сам старый Скрибоний выглядел очень мрачным, и громкие возгласы тех, кто появился здесь позже, звучали удивительно и неуместно, словно там, где царит смерть, или в храме некоего неведомого бога.

Мы начали совет и стали выдвигать свои доводы. Бальбитий резко возражал и нашел поддержку со стороны Аселлия, который, кажется, испытывал крайнее презрение ко всем местным жителям, в то же время полагая бессмысленным каким-либо образом связываться с ними. Оба военных вождя утверждали, что нам лучше пренебречь мнением меньшинства

колонистов и цивилизованных аборигенов, нежели противостоять возможному большинству местных племен и крестьян, прекратив жуткие церемонии.

Со своей стороны, я снова выдвинул свое требование решительных действий и предложил себя в качестве сопровождающего когорты в любом походе, который она предпримет. С моей точки зрения, варвары-баски и так уже взволнованы и ненадежны, так что стычки с ними рано или поздно неизбежны, какое бы решение мы не приняли. В недавнем прошлом они уже показали свои враждебные намерения по отношению к нашим легионам, поэтому со стороны Римского народа будет преступно терпеть выходки варваров, которые наносят ущерб справедливости и престижу Республики. В то же время успешное управление провинцией прежде всего зависит от безопасности и лояльности цивилизованных жителей, в чьих руках находятся торговля и забота о собственности и в чьих жилах течет немалая примесь нашей Итальянской крови. Эти люди, будучи меньшинством по численности, тем не менее, являлись стабилизирующей силой, на чье постоянство можно было положиться, и чье сотрудничество надежно обеспечивает власть Сената и Римского народа. Нашим долгом и в то же время к нашей пользе было бы защитить их, как Римских граждан, даже (и тут я заметил саркастические взгляды Бальбития и Аселлия) ценой некоторых трудностей и хлопот - например, кратковременного перерыва в винных развлечениях и петушиных боях в Калагуррийском лагере. В том, что городу и жителям Помпело угрожает действительная опасность, я не сомневался благодаря своим исследованиям. Я прочел множество свитков из Сирии и Египта, а также из канувших в позабытое прошлое городов Этрурии. Наконец, я беседовал с кровожадными жрецами Дианы Арицины в ее храме, укрытом в лесах, граничащих с озером Лакус Неморенсис. Я знал о чудовищных проклятьях, которые могли исходить с холмов во время шабашей; проклятья, которым не место в стране Римского народа. И позволить эти оргии, совершаемые на шабашах, будет равносильно тому, словно возродить обычаи, за которые наши предки во времена, когда консулом был А. Постумий, казнили многих Римских граждан, участвовавших в обрядах вакханалий. Это событие сохранилось в памяти благодаря специальному Сенатскому совету по поводу вакханалий, и было увековечено в бронзе, став доступным для созерцания любым человеком.

Обветшавший и деградировавший, прежде чем изменение церемоний могло создать новые формы, с которыми железо Римского оружия было бы бессильно справиться, шабаш, по моему мнению, не представлял особой угрозы для одной когорты. Следовало схватить лишь участников ритуала, в то время как снисхождение к большому количеству простых зрителей должно существенно уменьшить негодование, которое могли бы испытать симпатизирующие обряду сельские жители. Короче говоря, я не сомневался в том, что, как соображения веры, так и политическая ситуация требовали применения решительных мер. Публий Скрибоний, державший в уме достоинство и обязательства Римского народа, должен был твердо придерживаться плана отправки когорты (вместе со мной), несмотря на те многочисленные возражения, что выдвигали Бальбитий и Аселлий, рассуждавшие скорее как провинциалы, нежели Римляне.

Клонящееся солнце теперь опустилось очень низко, и затихший город, казалось, покрылся ирреальным зловещим блеском. Проконсул Скрибоний дал знаком понять, что он разделяет мою точку зрения, и затем включил меня в состав когорты, поставив на довольствие наряду с центурионами. Бальбитий и Аселлий согласились с этим, причем легат сделал это охотнее, нежели командир когорты. Когда сумерки сгустились с характерной для осеннего сезона быстротой, издалека послышался размеренный, загадочный гул таинственных барабанов, звучащий с ужасающим ритмом. Несколько легионеров выказали робость, но резкие, отрывистые команды выстроили солдат в колонны, и вскоре вся когорта выступила на открытую равнину к востоку от цирка. Ливон, как и Бальбитий, настоял на том, что будет лично

сопровождать когорту. Однако оказалось невероятно трудно найти местного проводника, который бы указал дорогу в горы. Наконец, юноша по имени Верселлий, сын бедных родителей Римского происхождения, согласился отвести нас хотя бы до подножья холмов.

Мы начали свой марш со следующим закатом, когда призрачное серебристое сияние молодой луны дрожало над лесом слева от нашего пути. Больше всего меня беспокоило то обстоятельство, что действие шабаша уже началось. Сообщения о подходе когорты, должно быть, уже достигли холмов, и даже мягкость нашего окончательного решения не могла преуменьшить тревожность распространяющихся по округе слухов. Однако зловещие барабаны по-прежнему гудели, словно участники церемоний имели какую-то особенную причину не обращать внимания на то, выступили ли против них Римские власти, или нет.

Звук становился все громче по мере того, как мы проходили по глубокому ущелью в горах. С обеих сторон нас окружали крутые, поросшие лесом склоны. Древесные стволы принимали необычные, порой фантастические формы в неверном свете наших факелов. Все, за исключением Ливона, Бальбития, Аселлия, двух или трех центурионов и меня, двигались пешком. Наконец, путь стал столь крутым и узким, что всадники были вынуждены спешиться. Отряд из десяти человек остался для того, чтобы охранять лошадей, хотя шайки разбойников едва ли могли появиться здесь в эту ночь ужаса.

Лишь однажды нам показалось, что нечто скрылось в ближайшем лесу. После получаса карабканья вверх крутизна и узость дороги сделали дальнейшее продвижение столь большого числа людей - более 300 - чрезвычайно тяжелым и трудным. Затем, с крайней, ужасающей внезапностью мы услышали раздавшийся снизу жуткий звук. Его источником были привязанные лошади - они кричали, не ржали, а именно кричали... и внизу не было ни света, ни голосов кого-либо из оставшихся людей, которые бы прояснили, что там происходит. В тот же момент на всех окрестных пиках вспыхнули костры, и оказалось, что кошмар затаился со всех сторон от нас. Пытаясь найти проводника Верселлия, мы обнаружили лишь его изуродованное тело, валявшееся в луже крови. В его руке был короткий меч, выхваченный из-за пояса заместителя центуриона Д. Вибулана, а на лице застыло такое выражение ужаса, что самые отважные ветераны, побледнев, отвели взгляд. Он убил сам себя, когда закричали лошади... человек, рожденный и проживший всю жизнь в этой местности и знавший, какие легенды об этих холмах шепотом пересказывают люди.

Свет факелов стал слабеть, и вопли перепуганных легионеров смешались с непрекращающимися стонами лошадей. Воздух ощутимо похолодел, быстрее, чем это обычно происходит в конце ноября. Казалось, что в воздухе происходят какие-то чудовищные колебания, которые я не мог объяснить, иначе как связывая их с взмахами чьих-то гигантских крыльев. Вся когорта сейчас неподвижно замерла, и по мере того, как тускнели факелы, я наблюдал то, что полагал фантастическими тенями, отразившимися на небе вследствие призрачного сияния Млечного Пути, струившегося через созвездия Персея, Кассиопеи, Цефея и Лебеда.

Затем с небосвода внезапно исчезли все звезды - даже яркие Вега и Денеб впереди и одинокие Альтаир с Фомальгаутом позади нас. Разом погасли все факелы, оставив над смятенной, содрогающейся когортой только зловещие, пугающие огненные алтари на вершинах пиков - пылающие адским красным пламенем, теперь приобретшим безумные, непостоянные колоссальные формы тех безымянных тварей, о которых никогда даже шепотом не упоминали жрецы Фригии и Кампании, рассказывая самые дикие запретные мифы. И над разрывающими ночь криками людей и лошадей демонический грохот барабанов возносился до все более громких тонов, в то время как с тех запретных высот с ужасающей целенаправленностью дул ледяной ветер, который обвивался вокруг каждого из людей. Вся когорта отчаянно боролась и кричала в

темноте, словно разыгрывая драму Лаокоона и его сыновей. Лишь старый Скрибоний Ливон, казалось, уступил року. Среди всеобщих криков он проронил слова, которые до сих пор эхом звучат в моих ушах: «Malitia vetus - malitia vetus est ... venit ... tandem venit ...».

И затем я проснулся. Это был самый реальный сон за много лет, пришедший из давно утерянного, позабытого источника подсознания. О судьбе этой когорты не существует никаких записей, но город, в конце концов, был спасен - ибо энциклопедии сообщают о сохранившемся до сих пор Помпело, известном под современным испанским названием Памплона.

Во имя Готического Всемогущества

Ц. Ивлий Вер. Миксимин

Перевод: Борис Лисицин